

чень событий) // Известия Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества. – Пермь: Типо-Литогр. Губ. Правл., 1917. – Вып. 2. – С. 85.

2. Кривощёков И.Я. Иллюстрации к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству // Известия Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества. – Пермь: Типо-Литогр. Губ. Правл., 1917. – Вып. 2. – С. 19-24.

3. Кривощёков И.Я. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники. Археологическо-этнографические заметки по Чердынскому уезду / И.Я. Кривощёков. – Пермь, 1911. – 61 с., 1 л. карт.

4. Кривощёков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края / И.Я. Кривощёков // Материалы для истории села Кудымкара. – Пермь, 1894.

5. Письма лесничего Кривощёкова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895-1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. – Письмо №4.

6. Письма лесничего Кривощёкова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895-1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. – Письмо №7.

7. Письма лесничего Кривощёкова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895-1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. – Письмо №11.

8. Письма лесничего Кривощёкова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1895-1888 гг. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.114. Л.54. – Письмо №13.

9. Письма лесничего Кривощёкова И.Я. Теплоухову Ф.А., 1889 г. / ГАПК // Семейный фонд Теплоуховых. Ф.613. Оп.2. Д.150. Л.27 – Письмо №13.

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ В НЕВОЛИНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

И.В. Каракулова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Научный руководитель – к.и.н., старший научный сотрудник С.А. Перевозчикова

Погребальный обряд – это совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего [Ольховский, 1993, с. 85].

Наличие погребального инвентаря или его отсутствие также является частью обряда. В первом случае вещь, использованная при захоронении умершего, выступает в роли символа, ее семиотический статус повышается вне бытового использования. Это можно объяснить тем, что для людей характерно деление мира на свой, освоенный, человеческий и чужой,

неосвоенный [Байбурин, 1983, с. 82]. Особенности погребения, связанные с обстоятельствами смерти, можно проследить и по конкретным действиям. В.И. Семенова отмечает, что покойнику распускают волосы, делают запах в другую сторону, вытаскивают стельки из обуви, затыкают правую руку за пояс и др. Во всех этих манипуляциях прослеживается стремление указать умершему его существование в другом пространстве [Семенова, 2008, с. 97].

Особенно интересны случаи, которые не вписываются в общую характеристику. Эту тенденцию можно рассмотреть на примере могильников неволинской культуры, которые датируются концом IV–IX в. Такие моменты были выявлены в Бродовском (Бр; 18 п. – 16,7%), Верх-Саинском (ВС; 28 п. – 8,8%), Бырымском (Б; 10 п. – 52,6%), Неволинском (Н; 39 п. – 21,4%) и Сухоложском (С; 2 п. – 9%) могильниках. Умерших хоронили в одежде с украшениями и сопутствующим инвентарем. Практически все вещи в погребениях можно условно разделить по следующим комплексам: головной убор, пояс, обувной набор, конская упряжь, воинское снаряжение. На умерших все вещи располагались так, как использовались при жизни.

Головной убор представлял собой ленту или шапочку. Иногда низ шапочки/ленты украшался рядом бусин (ВС, 132; Н, 154), реже – монетами (ВС, 80/1, 83/1). С одной или двух сторон к краю головного убора прикрепляли височные украшения [Перевозчикова, 2010, с. 381]. В захоронениях Неволинского мог-ка (139, 155, 167, 185, 212, 228, 236) височные подвески смещены: подвеску в погребении 228, находящуюся немного ниже фрагментов черепа, можно объяснить подвешиванием на достаточно длинном шнуре. Также подвески найдены в области таза (185 – при этом зафиксировано их четкое симметричное положение; 212). Смещение подвесок наблюдается и в погребениях Верх-Саинского мог-ка (116, 12/2, 14/1, 38/1, 96/1).

Наборные пояса неволинцев были украшены металлической гарнитурой: пряжками, наконечниками ремней, накладками. Пояса располагались преимущественно вокруг тазовых костей, реже – вдоль тела (ВС, 46/1) или свернутым (ВС, 64/1). Но иногда встречается и нетипичное расположение пояса (Бр – 2, ВС – 12, Б – 2, Н – 15). В некоторых погребениях пояс был порван на части или смещен (Бр – 9АБ; ВС – 35/1, 44/1, 58/1А, 73/1, 75/1, 70, 83, 120, 137, 154; Б – 19; Н – 94, 106, 113, 133, 141, 149, 155, 196, 211, 223, 225, 230), в других – оторван наконечник ремня (ВС, 70, 120; Н, 242).

Наличие пряжек и наконечников ремней в области стоп позволяет предположить наличие обувного набора [Липина, Перевозчикова, 2015, с. 116]. Встречались захоронения, где обувной набор был разрушен. В дет-

ском погребении 10/1 Бродовского мог-ка два наконечники ремней расположены в разных местах – один около стоп, другой около левого колена; в захоронении 16/1 одна из пряжек и наконечник ремня от обуви найдены в области черепа, а другая пряжка – у бедренных костей.

В нескольких погребениях вещевой материал был разбросан по могиле. Наиболее ярко это выражено в Неволинском могильнике (13 п. – 131, 140, 199, 212, 217, 232, 233, 235, 238; 158, 177, 193, 236 – в основном бусы). В захоронении 177 в центральной части могилы были найдены в беспорядке фрагменты железных вещей: меча, ножа, пряжек. В 3-х погребениях найдено скопление вещей на дне могильной ямы (217, 235, 238). Такой же случай выделен в одном погребении Бродовского (7/1АБ) и Бартымского (19) могильников и в двух Верх-Саинского (30, 164).

Разрозненность украшений или элементов костюма можно объяснить тем, что с их помощью блокируется канал связи между «своим» миром и «чужим» [Байбурин, 1983, с. 86]. Таким образом люди пытались оградить себя от неизвестной им природы загробной жизни. Есть и другое объяснение – у покойника распускают пояс и портят инвентарь, чтобы душа беспрепятственно покинула тело. Объясняются эти действия тем, что для умершего самое плохое – замкнутое пространство [Семенова, 2008, с. 96]. Но возникает вопрос, почему разрушения подвергались только некоторые индивиды. Скорее всего, такие действия являлись знаком принадлежности умершего к определенной социальной группе или статусу в обществе.

Во многих исследовательских работах отмечается, что посмертные увечья вызывались некрофобией. Цель такого отношения – обезвредить «опасного» покойника, лишив его сакральной силы [Богданов, 1990, с. 57].

Вера в загробную жизнь отмечается во многих культурных группах, и погребальный обряд каждой имеет свои характеристики и особенности. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что у сылвенско-иренского населения особое мировоззрение, которое нашло свое отражение в погребении усопших.

Литература

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – Санкт-Петербург: Наука, 1983. – С. 101-123.
2. Богданов С.В. Парные погребения древнейшей культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 48-60.
3. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. – Ижевск, 2012. – С. 30-52.

4. Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. – Ижевск, 2012. – С. 203-285.

5. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – 176 с.

6. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. – Ижевск, Пермь, 2011. – 340 с.

7. Липина Л.И., Перевозчикова С.А. Об элементах костюма средневекового населения сылвенско-иренского поречья // Самарский край в истории России. Выпуск 5. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. – Самара, 2015. – С. 115-120.

8. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. – 1993. – №1. – С. 78-94.

9. Перевозчикова С.А. К вопросу об обувных наборах раннесредневекового населения Сылвенско-Иренского поречья // Тюмень, Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. – Тюмень, 2012. – Вып.2. – С. 158-161.

10. Перевозчикова С.А. Реконструкция головных уборов по материалам могильников неволинской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2010. – С. 380-382.

11. Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.

ЗАСЕЧНЫЕ ВАЛЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

М.С. Комарова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
и обществознания Т.В. Осипова*

Необходимость создания безопасных условий жизнедеятельности требовала в эпоху средневековья активного развития военно-инженерной мысли, которая проявлялась, прежде всего, в выборе места и планировке поселения. а также сооружении крепостных стен и оборонительных рвов и валов.